

ЧТО ТАКОЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И ЭПИСТЕМОЛОГИИ?*

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, исследователь.
Русское общество истории и философии науки.
Российская Федерация,
105062, г. Москва,
Лялин пер., д. 1/36, стр. 2;
e-mail: raisabarash@gmail.com

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, исследователь.
Русское общество истории и философии науки.
Российская Федерация,
105062, г. Москва,
Лялин пер., д. 1/36, стр. 2;
e-mail: kusliy@yandex.ru

Философия является абстрактной наукой. Одним из современных и набирающих популярность направлений философии является направление экспериментальной философии. В данной статье рассматривается вопрос о том, возможно ли исследовать философские вопросы с помощью эмпирических методов. Рассматриваются две области, где исследования такого рода широко применяются. В частности, экспериментальные методы широко распространены в философии языка и семантике и современной эпистемологии. Такого рода эмпирические методы оправданы в тех дисциплинах, в которых аргументация в пользу определенной теории строится на основе исследования наших интуиций. Эксперименты служат лишь для получения более объективного представления об интуициях, и уже на основе этих интуиций строится философская аргументация. Мы показываем, что использование экспериментальных методов совместимо с антипсихологической установкой относительно значения.

Ключевые слова: эпистемология, семантика, знание, обоснование, эксперименты в философии



WHAT IS EXPERIMENTAL RESEARCH IN THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND EPISTEMOLOGY?

Raisa E. Barash – PhD in Political Science, Researcher.
Russian Society for the History and Philosophy of Science.
Lyalin lane 1/36, bd. 2,
Moscow 105062,
Russian Federation;
e-mail: raisabarash@gmail.com

Philosophy is an abstract theoretical discipline. However, a new trend that develops experimental methods in philosophical research has recently been gaining popularity extending to the fields of philosophical research that have not seen experimental methods earlier. This article addresses the question of whether it is possible to investigate philosophical questions with empirical methods. Two areas of research are considered – philosophy of language and semantics and epistemology. In these subfields

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Семантическая структура пропозициональных установок сознания», № 21-18-00496.



Petr S. Kusliy – PhD
in Philosophy, Researcher.
Russian Society for the History
and Philosophy of Science.
Lyalin lane 1/36, bd. 2,
Moscow 105062,
Russian Federation;
e-mail: kusliy@yandex.ru

of philosophy, the application of experimental methods has recently lead to a noticeable progress. Empirical methods are justified in those disciplines in which arguments in favor of a particular theory are based on the study of our intuitions. Experiments only serve to obtain more objective representations of our intuitions, and philosophical argumentation is built further based on these intuitions. The authors argue that the use of experimental methods in semantics is compatible with anti-psychologism about meaning. The latter point is particularly controversial because linguistic intuitions or intuitions about the meaning have often been viewed as something that speakers have clear cognitive access to. However, when experimental research (even when it is a collection of controlled judgments) shows results that are different from what the field has been previously assuming, a revision is called for. The authors review several cases of such refutations calling for further revisions and argue that such experimental work helps arguments in philosophy of language and epistemology gain more sound ground with respect to the empirical data that they build on. In philosophy of language and theoretical linguistics, the cases explored in this article relate to the differences between languages with and without articles and to the predictions about the availability of certain interpretations of such expressions or lack thereof. It is further shown how a similar method of identifying the existent or non-existent interpretations was used in the studies of the meaning of “most”. In epistemology, the article discusses the results of some recent experimental work relating to the knowledge ascriptions. The speakers’ intuitions about the famous Barn-examples have recently been shown to diverge from what philosophers have claimed, building their far-reaching arguments on the data that was arguably incorrect.

Keywords: epistemology, semantics, knowledge, justification, experimental philosophy

Экспериментальная философия

Философия традиционно является умозрительной и абстрактной наукой, ее главными вопросами являются вопросы: «Что существует?» и «Как мы можем это знать?». Одним из современных и набирающих популярность направлений философии является направление экспериментальной философии. Экспериментальные методы заимствуются из эмпирических наук. В этой связи возникает закономерный вопрос: возможно ли исследовать философские вопросы с помощью эмпирических методов? Если да, то какие конкретно проблемы можно исследовать с помощью экспериментов?

В аналитической философии метод исследования наших интуиций и аргументации, основанной на интуициях, являются широко используемыми инструментами философского анализа. Философская работа аналитических философов часто выглядит следующим образом: конструируется гипотетическая ситуация и рассматривается наша интуиция об этой ситуации. Присутствие или отсутствие



определенной интуиции является эмпирическим вопросом, а значит, мы должны обращаться к эмпирическим методам для его исследования. Соответственно, использование такого эмпирического метода, как эксперимент, оказывается вполне допустимой стратегией. Здесь требуется осторожность и понимание того, что проведение эксперимента и использование его результатов в качестве аргумента в пользу той или иной философской концепции возможно, только если принимается допущение о том, что мы можем понять предмет философского анализа, исследуя наши интуиции. Например, если мы принимаем тезис о том, что ответ на вопрос «Что такое знание?» может быть получен, если мы исследуем наши интуиции о том, является ли определенное состояние познающего субъекта знанием, то эксперимент может быть плодотворным методом исследования, поскольку вопрос об интуициях является эмпирическим. В этом смысле использование экспериментов с большим количеством участников не отличается принципиальным образом от использования мысленных экспериментов как метода философской работы.

Вопрос о том, могут ли наши интуиции использоваться в качестве аргумента в философской исследовательской работе сам по себе является дискуссионным и философским. Так, например, Х. Каппелен в книге «Философия без интуиций» [Cappelen, 2012] оспаривает тезис о том, что интуиции играют какую-либо существенную роль в философской аргументации. Тем не менее возрастающая популярность экспериментов в философии говорит о том, что часть аналитических философов все же принимают тезис о том, что исследование интуиций является существенной частью философской работы. Реальный эксперимент отличается от мысленного только числом участников и использованием статистики для фиксации результата. Здесь возникает следующий закономерный вопрос: если философский вопрос можно исследовать с помощью мысленного эксперимента, то для чего проводить реальный эксперимент с участниками, не имеющими навыков философской работы, не знающими, какой философский вопрос стоит за экспериментом? Какое дополнительное обоснование дает нам увеличение числа участников, сообщающих о своих интуициях? В данной статье мы попробуем ответить на эти вопросы, рассмотрев конкретные примеры экспериментальных работ и проанализировав предлагаемое в них обоснование.

Эксперименты в семантике

Одной из философских областей, где использование экспериментальных данных получило широкое использование, является исследование значения в языке. Наиболее плодотворной программой



исследования значения стала программа, основанная Г. Фреге и получившая развитие в работах Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Монтегю. Согласно данному подходу, значение в естественных языках может исследоваться при помощи формальных методов. Основой данной программы является идея об условиях истинности как значении предложения и идея композициональности, согласно которой значение предложения выводится из значения его частей и способа их сочетания друг с другом. Фреге положил начало этой программе, проведя различие между смыслом и референцией (что в отношении предложения соответствует современному различию между экстенционалом/денотатом предложения (Истина и Ложь) и его условиями истинности (или интенционалу) предложения), а также сформулировав идею о том, что глагол предложения интерпретируется как функция, применяемая к субъекту предложения, как к аргументу, предложив таким образом общий метод интерпретации всех предложений такого типа.

Фреге известен своей антипсихологистской установкой. Фреге оказал влияние на Э. Гуссерля, убедив его отказаться от психологизма. Согласно концепции логического и математического психологизма, отстаиваемой, в частности, философами Дж.С. Миллем, Х. Зигвартом, законы этих наук являются законами психологии, их установление происходит эмпирическим путем. Фреге в противовес этому утверждал, что логические законы, а также смыслы не являются ни физическими объектами, ни психологическими, а принадлежат третьему миру, миру платоновских идей.

Как было сказано выше, в современной философской и лингвистической литературе направление экспериментального исследования значения получило широкое распространение. Здесь возникает закономерный вопрос: совместима ли принципиально антипсихологистская программа Фреге (ключевым элементом которой является идея Истины) с экспериментальными методами?

Эксперименты в области значения обычно исследуют интуиции носителей языка, не имеющих представления о том, какой вопрос исследуется, относительно приемлемости или истинности предложений в той или иной ситуации. Означает ли это, что в основе экспериментальных методов исследования значения лежит идея о том, что значение принадлежит миру психологии, что семантика – это, по сути, отрасль психологии. На наш взгляд, ответ на данный вопрос является отрицательным. Экспериментальная семантика вполне совместима, как с психологистской, так и с антипсихологистской установкой. Несмотря на антипсихологизм Фреге, он исследовал значение в языке путем анализа своих интуиций и апеллируя к интуициям читателя. Например, его знаменитое различие между смыслом и значением возникает как результат анализа наших интуиций о таких предложениях, как «Утренняя звезда – это Венера» и «Вечерняя



звезда – это Венера». Обращая внимание на то, что носитель языка может знать, что первое предложение является истинным, не зная, что второе также является истинным, при том, что все три выражения имеют в качестве предметного значения один и тот же объект, Фреге предлагает идею о том, что предметное значение не является единственным аспектом значения предложения. Также, исследуя свои интуиции об истинностном значении предложений с пропозициональными установками, Фреге приходит к выводу, что предметным значением вложенного предложения является его обычный смысл. Эмпирическая природа познания значения требует погружения в когнитивную реальность языка. Теоретические конструкты должны иметь отражение в когнитивных репрезентациях значения и объяснять эмпирически наблюдаемое лингвистическое поведение. Эмпирические исследования позволяют нам тестировать гипотезы о когнитивных репрезентациях значения. Таким образом, даже если мы принимаем общую философскую установку Фреге, а также соглашались с идеей о том, что смыслы существуют в отдельной реальности, в любом случае, мы имеем когнитивный доступ к идеям и можем опираться на наши суждения о значении для утверждения о том, что какие-то аспекты значения должны быть разделены, можем опираться на наши интуиции о значении конкретного предложения, его истинности в определенной ситуации, эквивалентности или неэквивалентности его значения значению другого предложения, его логического отношения к другим предложениям. Соответственно, идея о том, что семантика не относится к когнитивным наукам, не препятствует тому, чтобы использовать эмпирические методы для исследования интуиций о значении. В этом смысле эксперименты представляют собой просто продолжение стандартного интроспективного метода исследования значения.

Здесь следует отметить, что современная формальная семантика, развиваемая в рамках лингвистики, намного менее враждебна идее о том, что семантика – это когнитивная наука. Это обусловлено во многом тем, как реализуется идея композициональности в современной семантике. Современная семантика занимается интерпретацией синтаксических структур, а не просто линейной цепочки слов в предложении. Современный синтаксис в значительной мере сформировался под влиянием идей Н. Хомского, который относил синтаксис к когнитивным наукам и считал, что синтаксис исследует структурные репрезентации предложения, которые находятся в головах носителей языка.

Естественно, проведение эксперимента отличается от интроспективного исследования собственных интуиций и предполагает расширение средств, используемых для исследования. И здесь возникает закономерный вопрос: а требуется ли проведение эксперимента для установления интуиций, правильный ли это метод исследования



интуиций говорящих? Проведение эксперимента более затратно по времени и ресурсам, чем простая интроспекция. Если второй метод не дает принципиально более надежных свидетельств, чем традиционная интроспекция, то оправдано ли вообще проведение эксперимента?

Обращение к экспериментальному методу чаще всего происходит в случае, если разные теории делают разные предсказания по поводу приемлемости какого-то предложения в определенном контексте. На начальной стадии исследования исследователь может столкнуться с ситуацией, когда его собственные суждения не совпадают с суждениями других носителей языка. Любой исследователь подвержен явным и неявным предрассудкам и предрасположенностям. Таким образом, пытаясь провести различие между двумя теориями, основываясь на интуициях о приемлемости предложения в определенном контексте, исследователь может оказаться в ситуации, когда его собственные теоретические предпочтения оказывают влияние на его суждения. В таком случае обращение к методу, позволяющему опросить значительное количество носителей языка в контролируемой ситуации, учитывая факторы, которые могут оказывать влияние на их суждения, может являться плодотворной стратегией обоснования теории значения.

Экспериментальная стратегия обоснования наиболее плодотворна в случаях, если конкурирующая теория делает предсказание, что определенное прочтение предложения недоступно. В таком случае результаты эксперимента, если они показывают, что такое прочтение возможно для большого количества носителей языка, являются наиболее убедительными.

В качестве иллюстративного примера такого рода исследования рассмотрим недавнюю работу Р. Симики и С. Демиана [Simik, Demian, 2020], посвященную исследованию значения определенных дескрипций в языках с артиклями и без таковых. Б. Рассел провел различие между определенными и неопределенными дескрипциями в английском языке. Определенные дескрипции вводятся артиклем ('the'), а неопределенные такими словами, как ('some', 'a'). Определенные дескрипции предполагают существование в рассматриваемой конкретной ситуации одного-единственного индивида, соответствующего предикату, следующему после 'the'. Неопределенные дескрипции требуют существования как минимум одного индивида, соответствующего описанию. В русском языке данное различие никак не маркируется. Так, в предложении «Девочка вошла в комнату» интерпретация слова «девочка» может соответствовать как определенной, так и неопределенной дескрипции. Речь в данном предложении может идти о конкретной девочке, которую мы выделили по уникальным признакам в данном контексте или о какой-то девочке среди многих. Такие языки, как русский, ставят перед нами вопрос: является ли



указанное предложение двусмысленным или неопределенным в своем значении? В первом случае гипотеза состоит в том, что в русском, как и английском, существует механизм, который позволяет из предиката «девочка» сформировать как определенную, так и неопределенную дескрипцию. Например, это может быть непроизносимый артикль или другой непроизносимый оператор в логической форме предложения, который имеет такое же действие, как артикль в английском языке. Соответственно, определенное и неопределенное прочтение являются результатом интерпретации разных логических форм, а само предложение оказывается двусмысленным [Geist 2010]. Второй случай предполагает, что русская фраза «девочка» не содержит никакого скрытого артикля или другого оператора, она всегда интерпретируется как квантор существования (неопределенная дескрипция в терминологии Рассела), а предложение с такой фразой, в силу отсутствия в русском аналога определенных дескрипций, совместимо как с контекстами, где речь идет о конкретной девочке, так и с контекстами, где речь идет о неопределенной девочке. В таком случае предложение не является двусмысленным [Heim 2011]. Данные две концепции сложно различить эмпирически. Тем не менее в теоретической литературе такие попытки предпринимались. Первая теория предсказывает, что мы можем найти случаи, когда доступно лишь одно из прочтений – определенное или неопределенное. Например, какие-то дополнительные факторы, такие как интонация, положение фразы в предложении, могут влиять на выбор между двумя логическими формами. Вторая концепция предсказывает, что фраза всегда остается неопределенной.

Например, Гайст обращает внимание на контраст между предложением «Книга лежит на том столе» и предложением «На том столе лежит книга». В первом случае фраза «книга» понимается как определенная дескрипция, указывающая на конкретный объект, а во втором может пониматься как неопределенная дескрипция. Именные группы, расположенные до глагола в русском языке часто интерпретируются как тема предложения. Гайст выдвигает идею о том, что тема предложения не может быть неопределенной. Таким образом объясняется тот факт, что в предложении «Книга лежит на том столе» «книга» получает определенное прочтение. При этом Гайст отмечает также, что даже именная группа, расположенная до глагола, не обязательно является темой. В таком случае требуется особая интонация, выделяющая именную группу. Примером может служить предложение «Метеорит упал», где «метеорит» может пониматься как неопределенная дескрипция, при условии, что это слово выделено интонацией. В таком случае предложение интерпретируется как сообщение о событии. Если же интонационного выделения слова «метеорит» не происходит, то предложение понимается, как сообщающее о судьбе некоторого метеорита, за которым мы наблюдали,



т.е. фраза интерпретируется как определенная дескрипция. Есть и другие теории, которые предсказывают, что в русском языке в позиции перед глаголом именная группа без артикля может получать только прочтение определенной дескрипции [Dayal, 2004]. В эксперименте, который проводят Р. Симик и С. Демиан, они ставят своей целью сравнить язык с артиклем (немецкий) и язык без артикля (русский) на предмет требования уникальности объекта. В своем эксперименте авторы учитывают такие факторы, как интонация и положение фразы в предложении. Участникам эксперимента предлагается прослушать фразу, содержащую дескрипцию. Затем им предлагается на выбор две карточки, одна перевернутая лицевой стороной, на которой изображена картинка по теме. Вторая карточка перевернута той стороной, на которой нет никакого изображения. Участникам сообщают, что только одна картинка точно соответствует предложению. Карточка с картинкой может нарушать, а может не нарушать условие уникальности. Наше ожидание состоит в том, что если картинка нарушает условие уникальности, то участники будут выбирать ту карточку, которая повернута задней стороной, зная, что только одна карточка точно представляет ситуацию, описанную предложением. Например, когда участники слышат предложение «Вагон отцепился», а на рисунке показано несколько вагонов, то условие уникальности, если оно присутствует, должно вынудить участника указать на закрытую картинку, так как открытая не соответствует предложению. Результаты данного эксперимента показали, что русскоязычные участники в такой ситуации выбирали картинку, в которой условие уникальности нарушено, считая ее соответствующей содержанию предложения. Таким образом, тезис о том, что если дескрипция предшествует глаголу и предложение произносится без акцента на дескрипцию, то дескрипция должна получать определенное прочтение, на нашел подтверждения в ходе данного эксперимента. Интересно здесь также то, что немецкоязычные участники систематически выбирали закрытую картинку в такой ситуации, не принимая картинку, нарушающую условие уникальности объекта. Эти результаты говорят о том, что интерпретация дескрипций в языках с артиклями и языках без артикля не совпадает. Соответственно, любая теория, которая предсказывает, что в предглагольной позиции дескрипция должна получать определенное прочтение в русском языке, сталкивается с серьезным вызовом в свете этих экспериментальных данных. Что же касается интуитивно имеющегося различия между предложениями «Отцепился вагон» и «Вагон отцепился», то здесь требуются дополнительные исследования. Эксперимент показал, что различие не состоит в требовании уникальности объекта. Авторы указывают, что, возможно, в русском языке требование состоит в обособленности, выделенности объекта. То есть второе предложение является приемлемым в ситуации, когда в ней присутствуют два вагона,



но один из них должен быть выделен в контексте. Эти дополнительные возможности требуют дальнейшего исследования.

Рассмотренное выше исследование иллюстрирует ситуацию, когда эксперимент позволяет отвергнуть теорию, предсказывающую, что какое-то прочтение предложения невозможно (в данном случае это было прочтение дескрипции, нарушающее условие уникальности). Это не единственный способ использования экспериментальных данных для обоснования теоретических утверждений о значении предложения. Возможна также ситуация, когда две теории делают одинаковое предсказание о значении предложения, но делают разные предсказания о том, каким образом получающийся результат интерпретации достигается композиционально. Исследования когнитивных процессов, вовлеченных в достижение интерпретации, может помочь провести различие между двумя теориями. Такого рода эксперименты являются значительно более редкими. Мы рассмотрим один пример такого исследования, считающийся наиболее удачным. Мартин Хакл [Hackl, 2009] использовал данный метод для аргументации в пользу своей теории о том, как строится значение кванторного выражения «most» в английском языке (которое иногда можно переводить на русский как «большинство»). Возьмем предложение «Most dots are red». Его смысл может быть выражен двумя способами. Первый способ: больше половины точек являются красными. Второй способ: количество красных точек больше количества не красных точек. Оба способа делают абсолютно одинаковые предсказания об условиях истинности предложения. Но они делают разные предсказания о том, как верифицируется данное предложение. Хакл сформулировал свою теорию значения слова «most», согласно которой это суперлатив от слова «many» и которая предсказывает, что значение предложения, содержащего данный квантор строится по второму способу, а не по первому.

Он проводит эксперимент, в котором сравнивает процедуру верификации «More than half dots are red» («более половины точек являются красными») и процедуру верификации предложения с «most». Идея состоит в том, что если «most» близко к значению «больше половины», то для верификации данного предложения требуется посчитать количество всех точек. Если же требуется просто установить, что количество красных точек больше, чем количество не красных, то не требуется считать общее число точек и количество красных точек, достаточно просто визуально верифицировать, что красных точек больше всего. Участникам эксперимента предлагалась серия картинок. Первая картинка показывала общее количество точек, но цвета точек были скрыты. Далее участнику предлагалось нажать на кнопку для перехода к следующей картинке, которая раскрывала часть цветов. Участникам предлагалось вынести суждение об истинности предложения как можно скорее. Эксперимент показал, что



участники правильно оценивали истинность или ложность предложения в указанном сценарии, как с выражением больше половины, так и с выражением «most». Тем не менее они выносили свое суждение о предложении с «most» гораздо быстрее.

Поскольку картинки были разработаны таким образом, чтобы для каждой из них легко было оценить, правда ли, что на ней больше точек нужного цвета, чем точек другого цвета, то участники эксперимента просто отслеживали, лидирует ли нужный цвет в целом и насколько он лидирует. Такая стратегия верификации не требует подсчета общего количества точек или точек целевого цвета. Систематическая разница между временем, которое участники затрачивали на оценку истинности предложения с «most» и предложения с «more than half» говорит о том, что их значение конструируется не одним и тем же способом.

Мы рассмотрели два примера использования экспериментальных данных для обоснования теоретических выводов относительно значения. Первый пример показывал, каким образом использование методов исследования языковых интуиций, позволяющих объективно оценить эти интуиции, позволяет отвергать теории, предсказывающие отсутствие определенного прочтения, в случае, если это расходится с интуициями говорящих. Второй пример показывал, каким образом экспериментальный метод может позволить провести различие между двумя процедурами верификации предложения, соответственно, может позволить провести различие между двумя теориями, которые предсказывают разные процедуры верификации.

Эксперименты в эпистемологии

Споры о природе пропозиционального знания в современной эпистемологии пришли в последние годы к тому состоянию, при котором экспериментальные методы оказались наиболее востребованным инструментом для дальнейшего продвижения исследований в конструктивном русле. Рассмотрим более подробно суть тех проблем, о которых идет речь.

Природа пропозиционального знания была поставлена под сомнение в известной работе Э. Геттиера «Является ли знанием истинное, обоснованное мнение?». Эта работа, как известно, имела огромный резонанс в философии, поскольку в ней были предъявлены случаи, в которых тот тип обоснования, который в обыденных ситуациях используют люди для собственных верований и который стандартно считается достаточным для приписывания этим людям знания в случае истинности этих верований, оказывается недостаточным для приписывания знания. Обоснование, как показал Геттиер, должно



быть неслучайным образом связанным с содержанием истинного верования.

Немалая часть дискуссий вокруг проблемы Геттиера коснулась природы корректного обоснования, которое позволяло бы приписывать знание носителю истинного верования. К дискуссиям этого направления относятся и исследования контекстуальной зависимости содержания глагола «знать», а, конкретно, контекстуальной зависимости заключенного в содержании этого глагола компонента допустимости того обоснования, которым обладает носитель истинного верования в соответствующей ситуации. Примеры, которые исследовали философы, представляли индивида, имеющего одно и то же истинное верование при одном и том же обосновании, в различных ситуациях оценки так, чтобы в одной ситуации приписывание ему знания было бы интуитивно верным, а в другой нет.

Стандартными иллюстрациями ключевой проблемы для данного направления исследований является ряд часто обсуждаемых примеров. Первым из них является пример настоящего сарая среди множества фейковых (потемкинских сараев). Данный пример восходит к [Goldman, 1976, pp. 772–773] и описывает ситуацию, в которой некий человек, скажем, Иван, смотрит на находящуюся вдалеке постройку, выглядящую как амбар, и формирует верование, что перед ним амбар. При этом он не знает, что в этой местности все амбары, кроме одного, были заменены местными жителями на бутафорские, фейковые (потемкинские) фасады амбаров, которые издалека выглядят совершенно одинаково. Волею случая, Иван устремляет свой взгляд именно на этот единственный настоящий амбар. Проблема, которую рассматривали эпистемологи в связи с этим примером, заключается в том, что в описанной ситуации предложение является ложным.

(1) Иван знает, что перед ним амбар.

В подавляющем большинстве аналогичных примеров мы склонны приписать субъекту знание о том, что перед ним амбар, даже если он приходит к своему верованию исключительно на основании данных восприятия, ибо в обыденных ситуациях нам вполне достаточно того, чтобы считать сформированное подобным образом истинное верование знанием. Однако специфика описанной ситуации не позволяла исследователям считать данное предложение истинным.

Данный пример, как несложно заметить, важным образом отличается от распространенных примеров Геттиера. В них субъект формирует истинное верование с обоснованием, которое не имеет отношения к той причине, по которой содержание верования на деле оказывается реализованным. Таким образом, в примере Геттиера обоснование оказывается неудовлетворительным потому, что не описывает тех процессов, которые реально имели место и сделали



соответствующее верование истинным. В данном примере обоснование, которое использует индивид, вполне соответствует фактам (Иван действительно смотрит на амбар), однако, несмотря на это, ему, как утверждали и утверждают исследующие эту проблему эпистемологи, все равно нельзя приписать знания этого обстоятельства потому, что в той ситуации, в которой оказывается субъект, такое обоснование оказывается недостаточным для знания¹.

Между тем, несмотря на длительную историю анализа этого примера, именно под таким ракурсом на протяжении лет в литературе, начиная, как считается, с [Milikan, 1984, pp. 329–330] и, по-видимому, еще чаще в неформальных обсуждениях, параллельно высказывался и иной взгляд на описанный пример, который заключался в том, что в описанной ситуации субъекту все же можно приписать обладание знанием и, соответственно, признать предложение истинным.

Эпистемолог К. Дероуз, построивший влиятельную концепцию контекстуалистского объяснения аскрипций знания, обсуждая подобные возражения, признает, что и сам считает данный пример не до конца убедительным. Оставаясь при этом сторонником исходного понимания как ложного утверждения, он предлагает с целью усиления наглядности своей иллюстрации сделать рассматриваемую ситуацию более радикальной, погружая субъекта в контекст, в котором тот сначала сталкивается с двадцатью фейковыми амбарами, потом с настоящим амбаром, а потом еще с двадцатью фейковыми, формируя в каждом случае верование: «Передо мной амбар». Дероуз пишет: «Если вы *и теперь* считаете, что [субъект] знает в том единственном случае, когда он не ошибается [что перед ним амбар]... то я уже, скорее всего, никак не смогу вам помочь» [DeRose, 2009: p. 23 fn24].

Разумеется, такой диагноз вряд ли способен считаться в полной мере удовлетворительным решением проблемы и в лучшем случае лишь оставляет окончательное прояснение того, что здесь происходит «до лучших времен». Более того, складывается впечатление, что методом философских интуиций проявленное затруднение вряд ли может быть разрешено.

Другим распространенным примером, призванным продемонстрировать зависимость истинности аскрипций знания от контекста

¹ Разумеется, у описанного примера много разных аспектов, которые требуют дополнительного внимания. Например, то обстоятельство, что речь в описанном примере идет о неудовлетворительности имеющегося у субъекта обоснования, с точки зрения говорящего (ведь сам субъект даже и не в курсе, что находится в местности с большим количеством фейковых амбаров). Эти более тонкие аспекты проблемы на протяжении десятилетий обсуждались философами более подробно, и мы здесь на них останавливаться не будем (см. критический обзор некоторых релевантных дискуссий в [Вострикова, Куслий, 2021]).



их использования и оценки, является пример с работающим (или не работающим) банком [DeRose, 1992; MacFarlane, 2005; Stanley, 2005]. В нем муж и жена едут мимо банка в пятницу вечером и, видя в нем длинные очереди, муж предлагает заехать туда в субботу утром, чтобы положить на счет чеки с зарплатой тогда, а не сегодня. Жена сомневается, не будет ли банк закрыт в субботу. Муж говорит: «Я знаю, что будет открыт, т.к. был в нем в субботу две недели назад». Суть примера в том, что в ситуации, когда речь идет об обычном дне и никаких серьезных последствий в случае ошибки не будет, муж вполне может сказать:

(2) Я знаю, что банк будет открыт в субботу.

Однако, если от появления денег на счету до воскресенья зависит успешное осуществление важной оплаты, то в такой ситуации муж вряд ли сможет заявить, руководствуясь тем же обоснованием. Таким образом, задаваемые контекстуально ставки (значимость негативных последствий в случае ошибки) оказываются определяющим фактором для возможности истинной аскрипции знания.

Вопрос о том, насколько ставки влияют на условия истинности аскрипций знания, также оказывается дискуссионным, поскольку интуиции философов и более широкой публики могут расходиться и часто расходятся. При этом, как и в примере с амбаром, важно не только установление факта такого расхождения, но и его причин. Некоторые авторы утверждают, что расхождение интуиций относительно таких примеров между философами и нефилософами способно поставить под угрозу само содержание исследовательской программы, ведь если различие ставок не влияет на истинностное значение аскрипции знания, то нет и предмета для исследования [Knobe, Nichols, 2017, p. 23]. Такая аргументация, однако, вряд ли может быть убедительной, поскольку без причины отдает предпочтение суждению нефилософов. Более корректным, с методологической точки зрения, было бы, как минимум, установление факта расхождения в оценках. А исследование происхождения этих различий могло бы стать отдельной исследовательской задачей. Однако даже для такого установления необходимо исследование, предполагающее более строгий контроль за использованием в разных примерах тех или иных компонентов, которые могут оказывать влияние на значение.

Наконец, даже если отвлечься от обозначенных выше вопросов относительно исходных примеров и самой обоснованности постановки проблемы и допустить ее реальность в том виде, в котором предлагали философы, то открытые проблемы все равно остаются. Нередко считается, что двумя наиболее влиятельными концепциями, объясняющими различную оценку аскрипций знания в разных ситуациях, являются концептуализм [DeRose, 1992, 2009] и так называемый



субъектно-зависимый инвариантизм [Stanley, 2005]. Последняя концепция стремится отказаться от идеи контекстуальной зависимости содержания глагола «знать», рассматривать его как инвариантное, а известные расхождения в оценках аскрипций знания эксплицитировать через указание на разные намерения и установки субъекта (носителя соответствующей пропозициональной установки). Для тех исследователей, которым кажутся недостаточными те теоретические аргументы, которые сторонники каждой из этих концепций предлагают в их поддержку, возникает потребность в более эмпирически фундированной проверке каждой из этих теорий. И для проведения такой проверки исследователи зачастую также обращаются к экспериментальным методам.

Описанные выше проблемы и разногласия достаточно подробно исследовались эксперименталистами на протяжении последних десяти лет. Так, применительно к первой из рассмотренных нами проблем, проводились экспериментальные исследования оценок, которые нефилософская публика давала аскрипциям знания в ситуациях с примером про амбар и другими подобными примерами.

Д. Колацо, В. Баквальтер и С. Стич [Colaço et al., 2014] приводят данные проведенных ими экспериментов, согласно которым люди в подавляющем большинстве склонны приписывать знание субъекту в примерах с амбаром. Здесь, разумеется, во внимание принимается целый набор различных факторов, условий и способов проведения эксперимента и способов интерпретировать результаты. В целом, экспериментальная работа проходила следующим образом. Авторы исследования привлекли 234 человека из числа посетителей различных публичных пространств Нью-Джерси и Нью-Йорка, примерно половина из которых была старше 30 лет. Им было предложено прочитать короткие описания ситуаций и ответить на список вопросов, прилагавшихся к описанию каждой ситуации. Причем ситуации, на которые был направлен эксперимент, различались: в них субъект либо сразу указывал случайным образом на реальный предмет (среди множества фейковых), либо после нескольких ошибочных указаний на фейковые. Также в эксперименте были вопросы относительно аскрипции субъекту знания об объектах, для которых никаких фейковых копий не вводилось изначально (это были случаи обычного знания о воспринимаемых объектах). Среди вопросов, заданных участникам, были вопросы, которые касались не только легитимности аскрипции знания, но и другие вопросы, ответы на которые были простыми и очевидными. Простые и очевидные вопросы задавались, в частности, для выявления того, насколько адекватно участник в принципе реагирует на условия эксперимента. В вопросах, касавшихся допустимости аскрипции знания, участникам предлагалась шкала, состоявшая из шести уровней: от нуля («не знает») до 6 («знает»). После ответов на вопросы участники



также заполняли анкету, в которой указывали статистические данные о своем возрасте, происхождении и т.д.

Обработка данных предполагала элиминацию ответов тех участников, которые некорректно отвечали на простые вопросы на понимание. Исследование показало, что аскрипция знания была более уверенной в тех ситуациях, когда речь шла о предметах, для которых не вводились фейковые двойники. Однако разница здесь была недостаточно существенной, чтобы быть однозначно значимой для убедительной философской аргументации. Скорее наоборот: эксперимент показал, что участники были готовы приписывать знание субъекту в обоих типах ситуаций (т.е. в том числе и в случае наличия фейковых двойников). Более того, согласно полученным данным, допустимость аскрипции знания не отличалась существенным образом в случаях, когда субъект сразу сталкивался с настоящим амбаром, формируя о нем соответствующее верование, или после наблюдения целого ряда фейковых амбаров. Авторы пишут, что их данные скорее показали существование обратной зависимости: «Люди *больше* склонны приписывать знание [субъекту] в случаях с наличием большого числа фейковых объектов (defeaters), чем в ситуациях с их меньшим числом <...> это очевидным образом не способствует подкреплению идеи о том, что большее число фейковых объектов [в примере] ведет к меньшей склонности приписывать знание» [Colaço et al., 2014, p. 10]. Как видно, приведенные экспериментальные данные напрямую расходятся с той аргументацией Дероуза, приведенной выше.

Дж. Турри [Turri, 2017] исследует эту же проблему в более точном аспекте. Он указывает, что Колацо, Баквальтер и Стич в своей работе не подчеркивают в достаточной мере то воздействие, которое могут оказывать на человека примеры, в которых субъект сталкивается с фейковыми амбарами прежде, чем увидит подлинный. Чтобы корректно проверить аргументацию Дероуза, по его словам, необходимо указать участнику эксперимента на то, что каждый из увиденных субъектом амбаров реально заставляет его сформировать ложное верование. Для этого он наглядно прописывает в предложенных историях, что в ситуациях столкновения с многочисленными фейковыми амбарами прежде, чем субъект дойдет до одного подлинного и формирует истинное верование, тот каждый раз формирует верование «Передо мной амбар», которое оказывается ложным. Иными словами, в данном эксперименте уделяется особое внимание тому, какое воздействие оказывает на его участника прямое указание на то, что субъект формирует несколько ложных верований, прежде чем приходит к тому, которое оказывается истинным.

Проведенное исследование показало, что в случаях, когда участнику напрямую не указывалось, что субъект сталкивался с фейковыми амбарами (а говорилось лишь обтекаемо: «из увиденных построек субъект устремляет взгляд на ту, которая оказывается настоящим



амбаром...»), участники были больше склонны приписывать субъекту знание, когда тот сразу сталкивается с настоящим амбаром, чем когда он сталкивается с ним после нескольких «неудачных попыток». Однако в случаях, когда участнику открыто сообщалось, что субъект сталкивается с фейковым амбаром, никакой разницы не было: участники были одинаковым образом склонны приписывать субъекту знание. Этот интересный контраст Турри объясняет, строя предположение, что в ситуациях, когда субъект некорректно идентифицирует постройку как амбар (и при этом участнику эксплицитно указывается, что субъект допускает ошибку), участник может быть склонен усомниться в способности субъекта корректно идентифицировать амбары, отличая их от других построек. Сомнения в способностях субъекта у участника не возникает, когда открыто указывается, что речь идет о фейковом амбаре. И тогда участник склонен доверять такому субъекту и поэтому в случае, когда тот сталкивается с настоящим амбаром, приписывать ему знание.

По мнению Турри, установленный контраст и его предполагаемое объяснение потенциально позволяют пролить дополнительный свет на суть проблемы с амбарами и тем расхождением в его оценках со стороны многочисленных философов, с одной стороны, и широкой публики, а также противостоящих им философов, с другой. Ведь в таком случае можно предположить, что обозначенное расхождение в оценках этих примеров происходит из разницы в отношении к роли когнитивных способностей субъекта, как конститутивного фактора для возможности аскрипции знания. Философы, не соглашающиеся с возможностью приписывать субъекту знание в ситуации с амбаром, также отказывают субъекту в возможности корректно идентифицировать амбары (например, [Greco, 2010; Pritchard, 2012]). Турри пишет: «Те, кто отказывают [субъекту] в знании, требуют надежности от когнитивных способностей субъекта, которому может быть приписано знание, тогда как те, кто приписывает [субъекту] знание, утверждают, что когнитивные способности вполне могут быть и надежными» [Turri, 2017, p. 16].

Фактор ставок из примера о банке также подвергался экспериментальной проверке в ряде исследований. Н. Хансен и Э. Шемла [Hansen and Chemla, 2013], исследуют подобного рода аскрипции в контекстно-чувствительных случаях. Они обнаруживают значительное влияние контекста (т.е. ставок) на суждения людей об истинностном значении аскрипции знания. Интересно, однако, то, что значение контекста исчезало, если участникам эксперимента предлагалось рассмотреть не два примера с различающимися ставками, а лишь один. Это говорит о возможности того, что воздействие контекста существует не само по себе, а является производным от контраста, возникающего при сопоставлении двух примеров. Подобные результаты были также получены и в других работах [Pinillos, 2012;



Buckwalter and Schaffer, 2015]. И, несмотря на то, что сами по себе эти результаты совместимы с утверждениями философов-контекстуалистов и поэтому не могут использоваться для опровержения философского видения проблемы, их значимость, как указывают [Klobe and Nichols, 2017, p. 22], в том, что они продемонстрировали отличие паттернов, присущих интуициям людей относительно этих примеров, от того, что изначально предполагалось в неэкспериментальной литературе.

Экспериментальные исследования парадигмы примеров типа также проводятся и в попытке найти эмпирические основания в пользу одной из двух основных (упомянутых выше) концепций. Особенность примеров типа заключается в том, что они предполагают перспективу от первого лица. Из-за этого в них субъект верования и оценщик контекста отождествлены. И тогда важный для контекстуалистов компонент изменения ставок для оценщика при их сохранении для субъекта нельзя проявить. Случаи, когда в аскрипции знания субъект представлен в третьем лице, а не в первом, как утверждается в философской литературе, требуют признания аскрипции знания ложной, если ставки возрастают исключительно для говорящего, с точки зрения контекстуализма, но не с точки зрения субъектно-чувствительного инвариантизма. Так, согласно этому взгляду, может быть признано истинным, если говорящий, как и субъект, исходит из того, что никаких особых последствий от ошибки не будет, но должно быть признано ложным, если последствия ошибки значимы.

(3) Иван знает, что банк будет открыт в субботу.

К. Дероуз считает такого рода случаи непреодолимыми для субъектно-чувствительного инвариантизма [DeRose, 2009, p. 65].

Дж. Гриндрод, Дж. Эндоу и Н. Хансен [Grindrod, Andow, and Hansen, 2019] исследуют экспериментально именно такие сообщения, пытаясь отыскать дополнительные доводы в пользу какой-либо из двух концепций. Проведенная ими работа выявила эмпирические основания в пользу контекстуализма.

В данных философских работах, как мы видим, экспериментальные методы также используются как попытка получения более объективной информации об интуициях теоретически неподкованных участников относительно разных ситуаций знания. В данной области мы наблюдаем, что теоретические изыскания сталкиваются с проблемой разницы в интуициях о случаях приписывания знания. Философы, столкнувшись с ситуацией, когда обоснование их теорий сводится к их собственным интуициям, а философы, разрабатывающие конкурирующую концепцию, просто не соглашаются с высказанной первым философом интуицией, вынуждены искать более объективные



эмпирические методы исследования интуиций. Экспериментальный метод в данном случае не является непосредственным способом ответа на философский вопрос о природе знания. Аргументация строится на основе интуиций о том, что является, а что не является знанием в конкретной ситуации. Эксперимент является просто способом фиксации интуиций, свободным от влияния теоретических предпочтений.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели вопрос о возможности применения экспериментальных методов для исследования философских вопросов. Мы рассмотрели две области, где исследования такого рода широко применяются. В частности, экспериментальные методы широко распространены в философии языка и семантике и современной эпистемологии. Такого рода эмпирические методы оправданы в тех дисциплинах, в которых аргументация в пользу определенной теории строится на основе исследования наших интуиций. Эксперименты служат лишь для получения более объективного представления об интуициях, и уже на основе этих интуиций строится философская аргументация.

Список литературы

Вострикова, Куслий, 2021 – *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Контекстуализм и проблема акрипций знания // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 4. С. 110–126.

Геттиер, 1998 – *Геттиер Э.* Является ли знание истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Под ред. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллект. книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 231–233.

Фреге, 2000 – *Фреге Г.* О смысле и значении // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.

References

Buckwalter and Schaffer, 2015 – Buckwalter, W., Schaffer, J. “Knowledge, Stakes, and Mistakes”, *Noûs*, 2015, vol. 49, no. 2, pp. 201–234.

Cappelen, 2012 – Cappelen, H. *Philosophy Without Intuitions*. Oxford: Oxford University Press, 2012.



Colaço et al., 2014 – Colaço, D., Buckwalter, W., Stich, S., Machery, E. “Epistemic Intuitions in Fake-Barn Thought Experiments”, *Episteme*, 2014, vol. 11 (02), pp. 199–212.

Dayal, 2004 – Dayal, V. “Number Marking and (in)Definiteness in Kind Terms”, *Linguistics and Philosophy*, 2004, vol. 27, pp. 393–450.

Frege, G. “O smysle i znachenii” [Über Sinn und Bedeutung], in: Frege, G.; Biryukov, B.V. (trans.) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logic Semantics]. Moscow: Aspekt Press, 2000, pp. 230–246. (Trans. into Russian)

Geist, 2010 – Geist, L. “Bare Singular NPs in Argument Positions: Restrictions on Indefiniteness”, *International Review of Pragmatics*, 2010, vol. 2, pp. 191–227.

Gettier, E. “Yavlyaetsya li znaniem istinnoe i obosnovannoe mnenie?” [Is Knowledge a True and Well-founded Opinion?], in: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytical Philosophy: Rise and Development (Anthology)]. Moscow: Progress-Traditsiya, 1998, pp. 231–233. (Trans. into Russian)

Goldman, 1976 – Goldman, A. “Discrimination and Perceptual Knowledge”, *Journal of Philosophy*, 1976, vol. 73 (20), pp. 771–791.

Greco 2010 – Greco, J. *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Greco and Turri, 2017 – Greco J., Turri, J. “Virtue Epistemology”, in: Zalta, E. (ed.) *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2017. [URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/epistemology-virtue/>, accessed on 20.07.2022].

Grindrod et al., 2019 – Grindrod, J., Andow, J., Hansen, N. “Third-person Knowledge Ascriptions: A Crucial Experiment for Contextualism”, *Mind & Language*, 2019, vol. 34, no. 2, pp. 158–182.

Hackl, 2009 – Hackl, M. “On the Grammar and Processing of Proportional Quantifiers: Most versus More than Half”, *Nat Lang Semantics*, 2009, vol. 17, pp. 63–98.

Hansen and Chemla, 2013 – Hansen, N., Chemla, E. “Experimenting on Contextualism”, *Mind and Language*, 2013, vol. 28 (3), pp. 286–321.

Heim, 2011 – Heim, I. “Definiteness and Indefiniteness”, in: von Heusinger, K., Maienborn, C. and Portner, P. (eds) *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*, vol. 2. Berlin: de Gruyter, 2011, pp. 996–1025.

Knobe and Nichols, 2017 – Knobe, J. & Nichols, S. “Experimental Philosophy”, in: Edward N. Zalta (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2017 Edition), 2017. [<https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/experimental-philosophy/>, accessed on: 10.02.2023].

Lewis, 1996 – Lewis, D. “Elusive Knowledge”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1996, vol. 74, no. 4, pp. 549–567.

MacFarlane, 2005 – MacFarlane, J. “The Assessment Sensitivity of Knowledge Attributions”, *Oxford Studies in Epistemology*, 2005, vol. 1, pp. 197–233.

Milikan, 1984 – Millikan, R.G. “Naturalist Reflections on Knowledge”, *Pacific Philosophical Quarterly*, 1984, vol. 65, pp. 315–334.

Pinillos, 2012 – Pinillos, N.Á. “Knowledge, Experiments, and Practical Interests”, in: J. Brown & M. Gerken (eds) *Knowledge Ascriptions*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Pritchard, 2012 – Pritchard, D. “Anti-Luck Virtue Epistemology”, *Journal of Philosophy*, 2012, vol. 109 (3), pp. 247–279.



Radek and Demian, 2020 – Radek, Š. & Demian, S. “Definiteness, Uniqueness, and Maximality in Languages With and Without Articles”, *Journal of Semantics*, 2020, vol. 37, no. 3, August, pp. 311–366.

Stanley, 2005 – Stanley, J. *Knowledge and Practical Interests*. New York: Clarendon Press, 2005.

Turri, 2017 – Turri, J. “Knowledge Attributions in Iterated Fake Barn Cases”, *Analysis*, 2017, vol. 77, no. 1, pp. 104–115.

Vostrikova, E.V., Kusliy, P.S. “Kontekstualizm i problema askriptsii znaniya” [Contextualism and the Problem of Knowledge Ascription], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 110–126. (In Russian)